Мы были более опытны и выносливы, у них было больше людей, но ни у кого из нас не было никакого тактического преимущества, так как мы только что столкнулись друг с другом. К полудню с неба полил дождь. Я стоял рядом с Парлой, где провел весь день. Когда погода была ясной, я нарушал воздух, заставляя стрелы и стрелы лететь далеко от нас. Когда начался дождь, враг приблизился к нам. Я весь день метал световые стрелы и думал, что уже устал. Я никогда не делал так много заклинаний на тренировках или в бою, если уж на то пошло. Но вместо этого я почувствовал прилив сил. Живой. Решительный бой согласился со мной.

Однако теперь все было не так приятно. Молния падала прямо посреди поля боя, и я ничего не мог с этим поделать. Он убивал без разбора, и в глубине души я задавался вопросом, не так ли боги убили меня. Сквозь завесу дождя я увидел, как на нас надвигается шеренга людей с копьями наготове. Они были молоды, но кровь в них уже кипела. Я думаю, что они только что разгромили наш отряд за холмом. Они хотели перекатиться прямо на нас.

Парла направила огонь и перестроила линию обороны. Мне следовало бы испугаться, как и раньше, но вместо этого я испытывал радостное возбуждение. Это был край жизни. За ним не было ничего, кроме копий и смерти. Я увидел фигуру со знаменем, возглавляющую по крайней мере часть атаки. Я решил воспользоваться преимуществом дождя и попытался заморозить его кровь.

Я очень устал, и у меня почти не осталось сил держать себя в руках. Оглядываясь назад, я думаю, что это помогло. Голубой свет исходил из моих рук и падал не только на него, но и на землю, и на нескольких людей вокруг него. Массивные ледяные кристаллы вырывались из их рук и ног, их торсы взрывались красным инеем. Земля вокруг них вздымалась ледяными шипами, убивая или раня всех в пределах пяти шагов от моей цели. - Я моргнула. Парла удивленно оглянулась на меня. - Я пожал плечами.

Это пошатнуло их, но не остановило. Когда они подошли поближе, я сдался на лед. Огонь и раньше был очень полезен в ясную погоду, но в такой ливень от него было бы мало проку. Или все-таки будет? У меня появилась идея. Я не мог создать огонь очень далеко, но враг был очень близко. Вместо того чтобы пытаться поглотить кого-то, я использовал свою силу над ними, над падающим дождем. Тут же раздалось мощное шипение пара, и видимость вокруг нас резко упала. Затем, прямо под тем местом, где я использовал свою магию, я услышал крики умирающих. Их было довольно много. Я надеялся, что ни один из них не был нашим. Наконец они врезались в нас, ослабевшие, но не остановившиеся. Я отказался от умных идей и просто бросал стрелу за стрелой. Когда я наконец устал, то обнаружил, что бросаю не один мяч. Я не пытался сделать это, я просто был в отчаянии и страхе, и так чертовски зол, что эти идиоты не

сдавались. В последнюю секунду я заметил, что один молодой человек, возможно шестнадцати лет, подошел к Парле достаточно близко, чтобы его копье было поднято и готово пронзить ее, возможно, в шею. Парла стояла спиной к нему, выкрикивая приказы, которые едва можно было расслышать на расстоянии двадцати футов. Я среагировал, и из моей руки вырвались три синие полосы. Они не просто напали на беднягу и убили его, как это обычно бывает. Они пробили его броню, туловище, а затем снова вышли наружу. Он рухнул, упав на нее сверху. Она выругалась, оттолкнула от себя его безвольное тело, а затем снова посмотрела на меня и кивнула в знак благодарности.

Наша сторона выдержала. У них все сломалось. Это была моя первая настоящая битва. И это будет не в последний раз.

* * *

Настоящий переломный момент для меня, как по волшебству, наступил с некоторыми плохими новостями. Какая-то часть меня ожидала этого, но это ничего не изменило к лучшему.

Это было через несколько месяцев после той первой грязной помолвки. Мы провели несколько сражений в составе гораздо более крупных сил от имени Портисмунда, который теперь был главным претендентом. Это была именно такая война. Мы понесли довольно много потерь, поэтому вернулись в наш пикирующий город Труа, который служил нам базой материально-технического снабжения, штабом и центром вербовки для войны трех наследников. Мы завершили наш последний контракт с ошеломляющим успехом. Я приобретал репутацию мага определенного мастерства, хотя в силовом отделе ничего особенного не было.

Малышка Бартлз, третья из трех сестер (хотя, по иронии судьбы, она не была связана с двумя другими, она была чем-то вроде талисмана, который я должен был узнать) вошла с листком в руке. Она любила чистокровок. Любил читать о нас и сплетничать. Это было забавно для меня, так как она явно была дикой кровью из Великого леса. У нее были листья в волосах, и все ради этого. Она была, по общему мнению, интересной, и определенно обладала силой и магией, которыми не мог обладать ни один чистокровный. А еще она умела читать, и это было больше, чем многие в компании могли бы сказать.

Но мы были могущественны, гламурны и больше, чем жизнь. Я сомневаюсь, что ей даже пришло в голову, что я могу быть чистокровным, даже когда я начал проявлять большую силу. Я был слишком мрачен и сломлен, чтобы быть одним из ее образцов.

Во всяком случае, Бартлз, который был очарователен, начал читать всем нам эту газету. Она думала, что делится жизненно важными новостями, но на самом деле мы ее ублажали. И вообще она рассказывала хорошую историю.

- Послушайте, - сказала она своим юношеским голосом, полным напускной властности, - кажется, есть новости о королевских особах в Симру."

Мне хотелось встать и уйти, но я никак не мог успеть вовремя. Что бы это ни было, для меня это не будет хорошей новостью. В лучшем случае это заставит меня тосковать по дому. В худшем случае...

Я позволю тебе выбрать, какой из них окажется.

- Жена наследника ждет ребенка! Она собирается рожать через полгода!"

Что ж.

Жена. Это сужало круг подозреваемых.

Ведь я покинул замок всего три месяца назад. И еще через полгода. Они…она…она ведь рано начала, правда?

Я сидела очень тихо, пока мои соотечественницы спорили о достоинствах благородных женщин и о том, есть ли у них груди лучше, чем у простолюдинок. Я мог бы сказать им, что нет никаких различий, которые не могли бы объяснить отсутствие работы и наличие двадцати детей. Однако я был вне себя от ярости.

Это было уже слишком. Она выглядела счастливой, стоя там, на балконе. А теперь она несла в себе плод этого предательского семени, как будто меня никогда и не было. Мне хотелось перевернуть стол, драться, умереть. Я хотел чего угодно, но только не быть там и не слышать эти чертовы слова.

Лист бумаги загорелся. Бартлз с криком уронил ее, посасывая обожженный палец. Все были потрясены. Некоторые, вероятно, подозревали, что здесь творится магия. Но это не мог быть я. Я никогда не говорил ни слова, и все знали, что маги ничего не могут сделать без заклинаний и, конечно же, без знака, отмечающего их ясно, как день.

В глубине души я знал, что это был я. В прошлом были истории о чистокровных людях, желающих, чтобы что-то случилось. Иногда маленькие, иногда грандиозные. Но без слов, жестов и даже магических знаков. Я был вне себя от ярости. И огонь забрал то, что меня так взбесило.

Я мысленно вознес благодарственную молитву за то, что загорелся именно брод, а не Бартлз. Я не смог бы жить с собой, если бы причинил ей боль. Она была последней невинной женщиной, о которой я когда-либо знал.

С этого момента я начал по-другому относиться к своей магии подхода. Я упражнялся в этом каждый день, и не так, как нас учили. В прошлом это всегда было умение, контроль, практика, практика, практика.

Я вспомнил старые слова:

- Встань на колени, ибо пламя-мой друг, а молния-мой брат. Во мне течет чистая кровь."

Я отправился на холмы за городом и поселился там. Я сказал боссу, что буду там заниматься магией, и попросил ее прислать кого-нибудь за мной, когда у них будет контракт. И она согласилась. Она считала, что все, что помогало мне лучше убивать, было отличной идеей. Там, в развалинах какой-то забытой деревни, я забыл о контроле и изгнал сдержанность. Я использовал те же самые заклинания, что и всегда, вызывая огонь, поднимая камни, заставляя искры света летать по воздуху. Но вместо того, чтобы управлять ими с помощью интеллекта, я наполнил их яростью. Вместо того чтобы сдерживать их дисциплиной, я направила в них свое горе и потерю. Мое горе было острым, как клинок, и я владел им, как один.

Как я и предполагал, увеличение мощности было...существенный. В первый же день я испробовал свой старый трюк с огнеметом. Вначале я мог бы поглотить человека или куст, как и ожидалось. К концу дня я обливался потом, изнемогал и ненавидел себя, но я выпустил нечто достаточно большое, чтобы поглотить все развалины гостиницы. Какое-то время мне казалось, что часть камня горела. Мой дорогой брат никогда прежде не делал ничего столь могущественного. Да и Мервид, если уж на то пошло, тоже. Это была не новая магия нашего века, а старая магия жестоких битв с Каррешами и ужасов, оставленных старшими. Это было то, что спасло мир и, возможно, почти уничтожило его. Именно это заставляло людей бояться чистокровок.

Этим я мог бы отомстить своей семье, даже не имея союзников.

Я немного подстригла волосы, но знала, что в тот день некоторые из них поседели, хотя я и не могла этого видеть. В ближайшее время мне придется приложить усилия, чтобы покрасить его, но в случае необходимости я могу использовать чистку сапог на некоторое время.

Я все еще был полон ненависти, но впервые за целую вечность почувствовал, что нахожусь больше в конце дня, чем в начале. Я лег спать и назвал это победой.

Естественно, моя ярость росла. Ярость-это не то, что вы тратите, и она исчезает. Это то, что вы топите, и оно остается. Он может ненадолго исчезнуть, но всегда возвращается, причем сильнее.

Мое сердце все еще любило Мервида, может быть, так будет всегда, но то, что росло во мне? То, что, возможно, было там задолго до того, как я вылетел из проклятого окна святилища? Он хотел сжечь ее и все, что она родила. Он хотел скормить пепел Тиру. Сейчас я этим не горжусь, да и тогда тоже. Но мне нужна была сила, поэтому я признала правду: я была тем самым существом, и я кормила его, в первый раз, активно. Если все остальные члены моей семьи могли пожертвовать мной, чтобы выжить, то у них не было права критиковать меня, когда я вернулся монстром.

Звери должны есть, а мои требуют крови. Так вот, он должен был это сделать.

http://erolate.com/book/882/19943